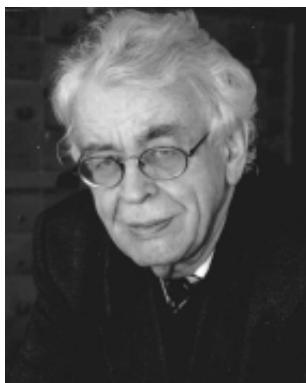

РЕЦЕНЗИИ

Ю. А. Карпенко

**СУПЕРАНСКАЯ А. В. ОНОМАСТИКА
НАЧАЛА XXI ВЕКА/ ОТВ.РЕД. Н. В. ВА-
СИЛЬЕВА. – М.: ИНСТИТУТ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, 2009. – 80 с.**

В своем довольно кратком исследовании Александра Васильевна Суперанская, одна из крупнейших ученых-исследователей ономастики в России, сказала о многом. Она убедительно показала, что в XXI в., хотя он только начался, ко времени написания книги этому веку еще не стукнуло и 10 лет, сделано в науке о собственных именах уже много. Ономастика развивается сейчас стремительно. При этом А. В. Суперанская справедливо пишет о затрудненном книгообмене, о мизерных тиражах, о безумной дороговизне книг и почты, не говоря уже об издании книг. В одной стране не знают о состоянии и проблемах ономастики в другой. Тут и языковой барьер, и крайне затрудненный доступ к литературе. Все ли ономасты знают, что в России выходит два ономастических журнала (Екатеринбург и Санкт-Петербург), в Украине – тоже два (Донецк и Киев) да еще два периодических чисто ономастических издания (Ужгород, Одесса)? В Германии вроде бы тоже два (Лейпциг и Гейдельберг). А в Польше только одна «Onomastica» (очень авторитетный и влиятельный ежегодник) или еще что-то?

Между тем многотысячными тиражами издаются антинаучные, лживые книги о том, что имя человека влияет на его судьбу, хотя дажеловица существует, что “не место (точно так же – не имя – Ю. К.) красит человека, а человек – место”. В книге А. Суперанской есть специальная глава «Псевдонаучные теории имени собственного» (с. 67-71). Исследовательница объясняет и языческую сущность мысли о воздействии именовании на человека, и увлеченность многих людей этой мыслью. Но она не называет имен. А между тем в Донецке, где существует крупнейшая ономастическая научная школа, где выходит замечательный журнал «Λογος ονομαστικῆς» (кстати, тиражом 200 экземпляров), где трудятся такие, я бы сказал, киты славянской ономастики, как профессора Евгений Степанович Отин и Валерий Михайлович Калинин, издана в 2006 г. книга Е. П. Комрат «Женские и мужские имена и святые покровители», а затем, в 2007 г. ее перевод на украинский язык – обе тиражом в 15000 экземпляров. Информацию о происхождении имен тут заимствовано из существующих словарей. У той же А. В. Суперанской есть несколько словарей, которые хорошо и толково объясняют людские имена, а вообще их на русском и украинском языках существует до двух десятков. Характер же человека с данным именем в основном сочиняется. Если сопоставить, к примеру, имя Наталья у Евгении Комрат и Бориса Хигира, чья двухтомная «Полная энциклопедия имен» роскошно издана явно громадным, но не названным тиражом в Москве в 2003 г., то выходит, у Комрат, которая явно пользовалась Хигиром: “Наталья – разумная с природной сообразительностью и хитростью женщина... Решительная, веселая, при этом женственная и лирич-

ная”. У Хигира Наталья “самолюбива, тщеславна... , нуждается в похвале... , даже самое пустячное замечание убивает ее”. Как будто бы эти признаки присущи всем Натальям, но у Тамар или Викторий их нет. Еще одна подобная книга (несть им числа) «Тайна имени» (Харьков, 2007, тираж 30 000 экземпляров), автор которой Ирина Мороз обозначена как составитель, чтобы смелее списывать, говорит о Наталье: “за внешней мягкостью скрывается бурный темперамент” “постоянно норовит вмешаться во все, иногда даже не в свое дело”, “очень любит компании, застолья”. Итак, все Натальи веселые, тщеславные и вмешиваются не в свое дело. Вранье все это, а не черты характера, связанные с женщинами по имени Наталья.

Самой ценной и интересной в книге А. Суперанской мне представляется глава «Терминология ономастики» (с. 59-66). Автор здесь интересно рассказывает об ономастических терминологических словарях в Скопье и Праге, подробно излагает историю создания ономастического словаря Н. В. Подольской (два издания – 1978 и 1988, есть переводы на другие языки), показывая, что это не предписание (у нас многие ономасты понимают этот словарь именно как предписание: раз есть у Подольской, то употребляй без раздумий, что приводит к ошибочным, подчас комическим ситуациям), а отражение состояния ономастики соответствующего периода. Очень интересен анализ различий английских терминов *name* и *noun*.

Тезис автора о том, что “в лингвистической литературе общего характера нет определения имени собственного, которое бы отвечаю взглядам специалистов-ономастов” (с. 60) я поддерживаю. Но вот отрицание мысли о том, что “имя собственное как имя существительное” противопоставлено имени существительному нарицательному, вызывает сомнение. Несомненно, существуют имена собственные, имеющие форму прилагательных, причастий, глаголов, фраз. Но в языке в понятие имя нарицательное не входят ни прилагательные, ни глаголы, ни фразы. Входят туда только существительные. Оппозиция имя собственное – имя нарицательное охватывает на всю лексику, а только одну часть речи – имя существительное. Ведь А. Суперанская совершенно справедливо говорит о субстантивации, а это – переход любого слова в существительное. Никакой *Федько Умойся Грязью, Второй, Рябой, Долгая Сабля* (можно добавить и клички собак типа *Догоняй, Нанадай*, употребленные, в частности, в «Войне и мире» Л. Н. Толстого) никак не опровергают мысли, что оппозиция собственное – нарицательное ограничена существительными, а не охватывает весь язык. Это черта не одного какого-то языка, а языковая универсалия.

Рецензию на ценную книгу А. Суперанской я начал с ее конца, а не с начала потому, что начало ее как будто бы требует какой-то дискуссии. Ав-

тор говорит, что словацкий ономаст В. Бланар в своей монографии «Теория имени собственного» (Братислава, 1996) выделил две противоположные, но взаимосвязанные тенденции: 1) имена собственные постоянно взаимодействуют со всей системой языка; 2) они же тяготеют к отмежеванию, освобождению от этой системы.

Тенденции эти отмечены справедливо. О них писали – не так четко, как это сформулировал В. Бланар, – и раньше. Но построенная В. Бланаром оппозиция остается изложенной не до конца, так как ученый не говорит, где это происходит. Есть язык – там все существующие в нем собственные имена (онимы), как и имена нарицательные (апеллятивы) просто наличествуют, сложены, как на складе, в лучшем случае – зафиксированы в словарях. Есть *речь* – там имена собственные (как и нарицательные) функционируют – и обнаруживается, что они взаимодействуют со всей системой языка и одновременно отталкиваются от нее. Но и то, и другое – вторично. Это проявления, а не жизнь имен собственных. Живут, реально наличествуют они в ментальном лексиконе, в языке мозга, проще говоря – в головах людей. А в голове любого человека собственных имен меньше, чем нарицательных, даже если этот человек – ономаст. Во всем языке онимов гораздо больше, чем апеллятивов. Например, в любом славянском языке на каждый апеллятив приходится не менее тысячи онимов. И в ментальном лексиконе вся жизнь собственных имен и свершается, включая отмеченные В. Бланаром процессы. Но не только они. Онимы фактически являются заглавиями определенной, довольно большой и разной у разных людей группы слов. Фамилии “Суперанская” и “Бланар” для многотысячного мирового сообщества ономастов включают какие-то биографические сведения, место проживания, названия каких-то трудов, их смысл, идеи и оценки, их место в мировой ономастике. Все это, разумеется, специфично, ни в одном ментальном лексиконе не тождественно с другим. Имена собственные в языке мозга – это как офицеры в армии. Они организуют группу нарицательных имен (и других собственных) – от отделения до целой армии, ср. *Крещатик, Киев, Украина, Европа*¹). Таким образом, собственные имена приводят в порядок всю языковую систему. Именно в такой ментальной структуре языка происходит и взаимодействие, и отмежевание собственных и нарицательных имен.

Отметим также, что главное, а по сути – единственное отличие онима от апеллятива заключается в том, что он имеет только одного носителя, называет единицу. Если множество осмысливается как единица, то это множество получает соб-

¹Карпенко О. Ю. Проблематика когнитивной ономастики, – Одеса: Астропринт, 2006. – С. 38-39.

ственное имя: **Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Таманская дивизия**. Если единица осмысливается как представитель множества, то она обозначается нарицательным именем: **москвич, киевлянин** (и укр. более древнее **княнин**), **одессит**. Прописная или строчная буква здесь только дань традиции, а не различители собственности – нарицательности. В первичной рукописи «Слова о полку Игореве» вообще не было больших букв (кроме самой первой – очень большой), но это не значит, что там не было собственных имен. Марки автомобилей «**Волга**», «**Тойота**» пишутся с прописной буквы. Но в отличие от названий единичных объектов река **Волга**, фамилия производителя **Тойода** являются именами нарицательными. А прописная буква здесь всего лишь норма правописания, память о прошлом. Правописание польского языка, кстати, требует здесь строчной буквы без кавычек. Поскольку лексемы **солнце** и **луна** суть имена единичных объектов, то они вовсе не нарицательные (с. 6), а собственные имена. Но об этом, кажется, знают только одни астрономы, которые всегда пишут их с прописной буквы.

Еще один, уже последний дискуссионный момент касается новой теории “собственности”, которую с 2000 г. развивает английский топонимист и историк языка Ричард Коутс и которую излагает А. В. Суперанская. Согласно Коутсу обозначение может соединяться с объектом двумя способами – *семантическим*, т. е. с опорой на смысл; это типично для нарицательных имен. И *ономастическим*, без опоры на смысл, бессмысленно (с. 14). Пример последнего – **Упсала**. Название города, смысл которого жителям неизвестен (с. 13). Имена собственные тяготеют к этому последнему виду референции. И если они образованы семантическим путем (а иного пути появления новых слов, в том числе и имен собственных, по-моему, не существует), то тяготеют к утрате смысла. Гидроним *Северное море* имеет вполне прозрачный смысл, но он этому гидрониму не нужен: мало ли есть северных морей. Смысл девальвируется. По Коутсу “Типичные proper nouns – это черные дыры, куда навсегда проваливается смысл” (с. 17). Сравнение В. И. Болотова гидронима *Черное море* и свободного словосочетания *черное море* (с. 21) куда корректнее, чем соображения Р. Коутса о способах размежевания собственных и нарицательных имен несколько иными словами высказал лет на 70 раньше крупный английский ученый Алан Гардинер (с. 28 и сл.). В ономастике, кстати, не раз случалось, что ученые спорят, дискутируют о чем-то, а потом оказывается, что ответ сформулировал еще Аристотель.

Книга А. В. Суперанской показывает, как много уже сделали ученые в ономастике в XXI в. Исследовательница кратко, но интересно излагает

свои собственные теоретически важные концепции, подробно и интересно говорит, помимо уже упомянутых ученых, о работах Е. С. Отина, В. М. Калинкина, А. К. Матвеева, М. Э. Рут, Е. Л. Березович, С. В. Перкаса, С. Н. Смольникова, Г. Б. Мадиевой, Л. М. Щетинина, Н. В. Васильевой, Д. Б. Гудкова, шведского ученого Рольфа Хедквиста и др. Автор совершенно справедливо упоминает и предшественников, зачинателей современного бурного развития ономастики – Владимира Никонова, Александра Реформатского, Эммануила Магазаника, Всеволода Михайлова. Следовало бы еще назвать Кирилла Целуйко.

А. Суперанская рассматривает, в частности, нередко всплывающий в современной литературе вопрос о *прецедентных именах*. Отметив разноречивость толкования этого вопроса, автор совершенно справедливо говорит, что это – то же, что давно уже именуют *автономасией* (с. 44). *Прецедент* – событие, явление прошлого, которое используется как образец, пример для именования позднейших фактов. Прецедентное имя содержит фраза “*Солженицын – Толстой XX века*” (с. 44), распространенное именование ребенка по имени деда. А. Суперанская напрасно не говорит, что святцы – суть список церковных прецедентных имен. Когда-то каждый пятый мужчина в Украине и России имел имя *Иван*. Но разные *Иваны* могли иметь разные прецедентные имена. В зависимости от даты крещения это мог быть *Иван* (Иоанн) Богослов – апостол и евангелист, *Иван* Предтеча, имя которого стало прецедентным не только для многих младенцев мужского пола, названных по церковному календарю, но и для языческого бога Ивана Купалы. Фактически Купала древнее Иисуса и крестившего его Ивана Предтечи, иначе – Крестителя, но поскольку день летнего солнцестояния совпал с церковным днем пророка Ивана Крестителя и язычники в этот день отмечали праздник бога веселья и любви Купалы, то на последнего перешло христианское имя Предтечи. Другие *Иваны* получили свои имена по святителю Ивану Златоусту, Ивану Экзарху, преподобному Ивану Лествичнику, святителю Ивану, патриарху Иерусалимскому, святителю Ивану, патриарху Константинопольскому, блаженному Ивану Власатому, Ростовскому, Ивану многострадальному Печерскому, великомученику Ивану Новому, Сучавскому и еще почти сотне других святых Иванов. То есть выходит, что прецедентным именем для разных Иванов оказываются разные люди, по преимуществу святые. Здесь следует добавить, учитывая крепкую христианскую традицию, что и сами святые, давшие свои имена многим христианам, получили их тоже как прецедентные – от имени Ивана Предтечи либо другого святого, жившего и канонизированного раньше, чем был рожден данный младенец, ставший впоследствии тоже святым.

Вообще, в книге А. В. Суперанской мысль, наблюдений, фактов, информативности в области самой современной, текущей ономастики очень много. Она справедливо говорит о современных трудностях в получении этой информированности. Но она ее добыла немало, причем не только в России или даже всего славянского мира. Да и самому автору хватает свежих ономастических соображений. Настоятельно рекомендую эту

книгу всем, кто хочет углубить свои ономастические позиции. А ее маленький тираж может быть увеличен с помощью современной техники. Мой экземпляр этой книги уже несколько раз был ксерокопирован. А издательствам стоит поразмыслить: что полезнее – печатать глупую макулатуру или все-таки книги умные, требуя от авторов в популярных изданиях максимальной простоты и яркости изложения.